

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

ВЪ ПОВѢРЬЯХЪ И ОБЫЧАЯХЪ РУССКАГО НАРОДА.

Бсамаго Филиппова заговѣнья, приходющагося на четырнадцатый день ноября мѣсяца, вплоть до Рождественскаго сочельника (24-го декабря) готовится Русь ко встрѣчѣ великаго праздника Рождества Христова. По словамъ старыхъ людей, Рождественскій постъ за тѣмъ идетъ изъ-года-въ-годъ на Святую Русь, чтобы помочь-пособить и отягченнымъ ношею грѣховъ заблудшимъ дѣтямъ Отца Небеснаго подготовиться къ воспріятію благодной вѣсти о Рожденіи отъ Приснодѣвы Сына Божія. Такой взглядъ нисколько не противорѣчитъ и ученію Церкви. «Филипповъ постъ—ко святымъ вечерамъ («Святкамъ»—по иному разсказу) святой мостъ!»—говорятъ они, говоря—приговариваютъ: «По Филиппову мосту пройдешь—ко Христу-Спасу придешь!», «Отъ Филиппова заговѣнья до Спаса Рожденья—шесть переходовъ (шесть недѣль)!», «Шестью мытарствами о Филипповкахъ грѣхъ до спасенья доходить!», «Ко Филиппову посту подойдешь, изъ-подъ ручки глянешь—Рождество Христово завидишь!». Встарину думали, что Рождественскій постъ установленъ для огражденія міра отъ рожденія антихриста, врага Христова, въ эти предшествующіе великому празднику зимніе дни. «Постомъ да крестомъ сила нечистая побѣждается!»—говаривали свѣдущіе въ книжномъ начотчествѣ деревенскіе толковники.

Канунъ Рождества Христова долженъ застать людъ православыи уже вполне готовымъ къ воспріятію благодной вѣсти о рожденіи Спаса-Христа, несущаго на темную землю свѣтлое благоволеніе. Твердо помнитъ простой русскій чело-вѣкъ притчу, гласящую о томъ, что не слѣдъ приходить на цирь въ печальной одеждѣ. Потому-то и спѣшитъ онъ, потому-

то и старается всѣми силами сбросить со своихъ плечъ черную тятоту потовыхъ заботъ и, запасшись всѣмъ, что Богъ далъ къ празднику, ждетъ съ благоговѣнною тишиной въ душѣ появленія на небѣ первой звѣзды вечерней, — вѣруя, что это загорается именно та самая звѣзда, которая около двухъ тысячелѣтій тому назадъ возвѣстила волхвамъ о рожденіи Сына Божія въ Вилеємѣ Іудейскомъ. Цѣлый день постятся — не принимаютъ никакой пищи въ Рождественскій сочельникъ «до звѣзды» благочестивые люди, памятующіе о преданіяхъ отцовъ и дѣвовъ, — чтобы, по завѣщанному тѣми уставу-обычаю, встрѣтить грядущаго въ міръ Спасителя міра. Наступаетъ вечеръ; тьма ложится на-земь, покрываетъ своими тяжкими тѣнями снѣга бѣлые-пушистые. И вотъ, вспыхиваетъ на востокѣ яркимъ трепетнымъ свѣтомъ вилеємская звѣзда... На нее устремлены взоры всей православной Руси, всѣхъ единовѣрныхъ русскому пахарю народовъ — какъ близкихъ ему по крови, такъ и далекихъ. «Христосъ рождается!» — раздается радостное пѣнопѣніе по всѣмъ храмамъ Божиимъ и плыветъ вмѣстѣ со звономъ колокольнымъ отъ многолюдныхъ городовъ и сель черезъ доли и горы, по полямъ и дорогамъ...

Вечеромъ, въ канунъ Рождества Христова, неизмѣнно придерживающіеся старыхъ благочестивыхъ обычаевъ люди русскіе не нарушаютъ поста: по уставу церковному разрѣшается вкушать въ это время только «сочиво» (взваръ рисовый, или ячменный — съ медомъ, или ягодный и плодовый) съ хлѣбомъ пшеничнымъ, «олады» медовые да пироги постные. Рѣзговѣнье — утромъ, послѣ ранней обѣдни; а до утра все еще стоятъ на Руси Филиппови. Отъ Рождества до Крещенія (съ 25-го декабря по 6-е января) живутъ на бѣломъ свѣтѣ веселыя-радостныя Святки. «Отъ Филипповокъ — рукой подать до Святтокъ», «По сочельникову мосту ѣдетъ Коляда изъ Новгорода» — повторяетъ сельщина-деревеньщина, вспоминая объ этомъ времени, и добавляетъ: «Уродилась Коляда наканунѣ Рождества, на Коляду прибыло дню на куриную ступню...» и т. д.

«Коляда» («коледа») — слово загадочное, неоднократно ставившее въ тупикъ изслѣдователей нашего народнаго быта. Не только бытописатели, но и самъ народъ, приурочиваетъ къ этому слову различныя понятія. Такъ, на сѣверѣ называютъ колядою рождественскій сочельникъ, колядованьемъ — обрядъ хожденія по домамъ на Рождество съ поздравленіями и пѣ-

снями, со звѣздою. Въ Новгородской губерніи за коляду слы-
вуть подарки, получаемые при этомъ хожденіи. Въ южныхъ и
юго-западныхъ губерніяхъ зовутъ этимъ именемъ самый праздни-
къ Рождества и даже всѣ Святки. «Колядовать» на бѣло-
русскомъ нарѣчій означаетъ—Христа славить. Если же этимъ
словомъ обмолвится смоленскій мужикъ, то оно имѣетъ въ его
рѣчи совсѣмъ иное значеніе—побираться, просить милостыню,
—утрачивая такимъ образомъ свое настоящее значеніе.
Встарину «колядовали» наканунѣ Рождества по всей Руси. Те-
перь же этотъ обычай сохранился во всей полнотѣ только въ
Малороссіи да среди бѣлоруссовъ. Онъ состоитъ въ томъ, что
молодежь деревенская, парни и дѣвушки, —отстоявъ всюнощную,
или заутреню, идутъ веселой гурьбою по подъ-оконыю, оста-
навливаясь особенно долго тамъ, гдѣ горитъ огонь. Тороватые
хозяева одѣляютъ колядующихъ «кольцами» колбасы, оладьями,
орѣхами или деньгами. Въ Киевской и Волынской губерніяхъ
половина собранныхъ денегъ отдается на церковь; въ другихъ
же мѣстахъ всѣ деньги идутъ на устраиваемую на Святкахъ
пирушку. Пѣсни «колядки», которыми величаютъ Новорож-
деннаго Христа въ Малороссіи, отличаются большимъ раз-
нообразіемъ и зачастую свидѣтельствуютъ о глубокой древно-
сти своего происхожденія.

Въ тѣхъ изъ чисто белорусскихъ губерній, гдѣ сохрани-
лся обычай колядованія, —онъ сталъ исключительнымъ до-
стояніемъ дѣтвора деревенской, съ увлеченіемъ выполняющей
его за старшихъ. И теперь еще можно видѣть въ ночь передъ
Рождествомъ кое-гдѣ толпы ребятъ, одинъ изъ которыхъ не-
сетъ на палкѣ зажженный фонарь въ видѣ звѣзды, а другіе
бѣгутъ за нимъ на каждый дворъ, куда пускаютъ хозяева.

«Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую

По всѣмъ дворамъ,
По всѣмъ дворамъ,
По проулочкамъ;
Нашли Коляду
У Петрова двора:

Петровъ-то дворъ—желѣзный тынъ,
Среди двора три терема стоятъ:
Во первомъ терему—свѣтель мѣсяцъ,
Во другомъ терему—красно солнце,
А въ третьемъ терему—часты звѣзды...

«Колядка» продолжается прославленіемъ хозяина, которому придается прозвище «свѣтель мѣсяцъ», хозяйка является въ устахъ колядующихъ «краснымъ солнцемъ», дѣти ихъ—«частыми звѣздами», и, наконецъ, дѣтвора возглашаетъ въ заключительныхъ стихахъ пѣсни:

«Здравствуй, хозяйнѣ съ хозяйшкой,
На долгіе вѣки, на многая лѣта!»

Иногда этотъ конецъ замѣняется болѣе выразительнымъ—въ-родѣ: «Хозяинъ во дому—какъ Адамъ на раю; хозяйка во дому—что олады на меду; малы дѣтушки—что виноградѣ красно-зеленое...» А затѣмъ—«звѣздоносецъ» кланяется и уже не пѣсней, а обыкновенною рѣчью, поздравляетъ хозяевъ съ наступившимъ праздникомъ. Подобіе этого обычая уцѣлѣло на Руси повсемѣстно—какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, не исключая столицъ; но тамъ не слышно уже этихъ пѣсенокъ-колядокъ. Они замѣнились тѣмъ-же самымъ «славленіемъ», съ которымъ ходитъ церковный причтъ по домамъ.

Въ Малороссіи наиболѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сохранились обычай, которыми ознаменовывалась въ древней Руси встрѣча Рождества Христова. Тамъ и въ настоящее время «святой вечеръ» (какъ называютъ канунъ великаго праздника) проводится точно такъ-же, какъ проводился многіе годы тому назадъ. Вотъ какъ встрѣчаютъ виелеемскую звѣзду на Украйнѣ. При первомъ блескѣ этой звѣзды вносится старѣйшимъ въ домѣ связка сѣна въ хату и стелется въ красномъ—переднемъ—углу на лавкѣ; эту послѣднюю накрываютъ, по-верхъ сѣна, чистой скатертью; а затѣмъ ставятъ на нее подѣ божницею необмолоченный снопъ ржи или пшеницы. По бокамъ снопа ставится «кутья»—каша изъ ячменя, или рису, съ изюмомъ и взваръ изъ сушеныхъ грушъ, сливъ и другихъ плодовъ. И каша, и взваръ покрываются «кнышами» (пшеничными хлѣбами). Начиается ужинъ-«вечеря». У образовъ теплится зажженная хозяиномъ лампадка, вокругъ стола, успаннаго сѣномъ и накрытаго бѣлымъ столешникомъ, садятся всѣ домашніе. Подаются галушки, вареники, жаркое и—послѣ всего—каша-кутья и взваръ. За «вечерею», гадаютъ объ урожаѣ. Для этого вытаскиваются изъ-подъ столешника стебельки сѣна, по длинѣ которыхъ и судятъ о будущемъ ростѣ хлѣбовъ. Выдерживаютъ такъ-же изъ снопа, стоящаго подѣ бож-

ницею, соломенки: если выдернется съ полнымъ колосомъ—надо ждать урожая, съ тощимъ—недорода. Когда всё повечеряютъ и хозяйка начнетъ убирать со стола, опять продолжается гаданье—на этотъ разъ по осыпавшимся сѣменамъ травъ: если больше будетъ черныхъ—хороша-де будетъ гречиха-дикуша, а если больше желтыхъ и красныхъ—можно, по словамъ деревенскихъ примѣтознаевъ, рассчитывать на овсы да на просо, да на пшеницу. Снопъ остается въ красномъ углу до самаго Новаго Года. Со «святого» вечера (сочельника) вплоть до 1-го января не выметають ни одна хозяйка въ Малороссіи соръ изъ хаты,—чтобы затѣмъ весь его, собранный въ кучу, сжечь на дворѣ. Этимъ охраняется, по народному повѣрью, урожай сада и огорода отъ гусеницъ и червей.

По старинному преданію, наканунѣ Рождества, въ самую полночь отверзаются небесныя врата, и съ высотъ заоблачныхъ сподитъ на землю Сынъ Божій. «Пресвѣтлый рай» во время этого торжественнаго явленія открываетъ взорамъ праведныхъ людей всё свои сокровища неоцѣнимыя, всё свои тайны неизъяснимыя. Всѣ воды въ райскихъ рѣкахъ оживаютъ и приходятъ въ движеніе; источники претворяются въ вино и надѣляются на эту великую ночь чудодѣйной цѣлебной силой; въ райскихъ садахъ на деревьяхъ распускаются цвѣты и наливаются золотыя яблоки. И изъ райскихъ предѣловъ обитающее въ нихъ Солнце разсылаетъ на одѣтую снѣжной пеленою землю свои дары щедрые-богатые. Если кто о чемъ будетъ молиться въ эту полночь, о чемъ просить станетъ,—все исполнится-сбудется, какъ по писанному,—говорить народъ.

«Двѣнадцать день святые вечера на Руси живутъ»—по народному изустному мѣсяцеслову,—«на тринадцатый—отданье Святокъ». «Придетъ», по словамъ святочной пѣсни-колядки, «Коляда наканунѣ Рождества», найдутъ ее молодые деревенскіе колядовщики ее на дворахъ у тороватыхъ хозяевъ, прославятъ Христа, почествуютъ хозяевъ съ хозяйшками, соберутъ посильную дань—про запасъ на «святые вечера». «Уродилась Коляда наканунѣ Рождества за горою за крутою, за рѣкою за быстрою»,—идутъ-поютъ они по подѣ-оконыю: «За горою за крутою, за рѣкою за быстрою стоятъ лѣса дремучіе, во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять пылающіе. Вокругъ огней люди стоятъ, люди стоятъ—колядуютъ»...

«Боляда, Боляда!
Ты подай пирога,
Или хлѣба ломтину,
Или денегъ полтину,

Или курочку съ хохломъ,
Пѣтушка съ гребешкомъ,
Или сына влогъ,
Или—вилы въ бока!»..

Пройдетъ первый день праздника, а тамъ и пѣсенки подблюдныя запѣваются, начинаются игрища затѣйныя. Не успѣютъ отдохнуть отъ предпраздничной суеты свои люди степенные-хозяйственные, какъ уже допесется до ихъ слуха молодая святочная запѣвка веселая:

«Какъ и нонче у насъ святыя вечера пришли
Святыя вечера, Святки-игрища!
Ой, Святки мои, святыя вечера!
Ой, Дидь! Ой, Лада моя!
Ой, Дидь! Ой, Лада моя!..

Всѣ мои подружки на игрища пошли,
На игрища пошли—на святыя вечера,
А меня, молодую, свекоръ не пустилъ,
Заставляетъ меня дѣло дѣлать,
Дѣло дѣлать—овинъ молотить,
Овинъ молотить, другой посадить.
Я овинъ молочу и другой посажу,
Другой посажу, цѣпы въ печь помечу,
Цѣпы въ печь помечу да на улицу пойду—
Ой, Святки мои, святыя вечера!
Ой, Дидь! Ой, Лада моя!
Ой, Дидь! Ой, Лада моя!..

«Суженый-ряженый»—главное содержаніе святочныхъ пѣсень; безъ мысли о немъ ни на шагъ онѣ. Сходятся на первое святочное игрище-сборище люди добрые, первымъ наперво заводятъ степенныя пѣсни «подблюдныя»—вокругъ опрокинутого блюда съ положенными подъ нимъ кусочками хлѣба, узелками съ солью, землею, угольками и разными мелкими вещицами—въ родѣ колець, ключей и т. д. Вслѣдъ за каждой пѣсней вынимаютъ красныя дѣвицы и парни-молодцы изъ-подъ блюда: «что вынется—не минется»—по народному изреченію. Кольцо вынется—къ скорой свадьбѣ, земля—къ смерти, уголекъ—къ пожару, соль—къ раздорамъ, ключи—къ доброму хозяйству и т. п. Первая подблюдная пѣсня хлѣбу поется—

«добрымъ людямъ на услышаніе, старымъ на потѣшеніе»; въ ней вѣтъ рѣчи о суженыхъ-ряженыхъ. Второю заиѣвается:

«Батилось зерно по бархату, слава!
Еще-ли то зерно бурмитское, слава!
Прикатилось зерно ко яхонту, слава!
Крупень жемчугъ со яхонтомъ, слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою, слава!»

Въ слѣдующихъ—пѣсенное народное слово то обращается къ идущему изъ кузницы, несущему три молота, кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ! Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ, и новъ, изъ остаточковъ золотъ перстень, изъ обрѣзочковъ булавочку. Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться, мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться, мнѣ тою булавочкой убрусь притыкать»... То оно воспѣваетъ «сокола» съ «голубушкой»; летящихъ изъ разныхъ улицъ: «...слетались, цѣловались, сизыми крыльями обнимались»,—ведетъ ово свой сказъ и заканчиваетъ: «ужъ и мнѣ добрые люди дивовались, слава! Какъ соколъ съ голубушкой уживались, слава!» Не только изъ вольнаго царства крылатаго беретъ свои сравненія святочная - подблюдная пѣсня, но — словно вторя сказкѣ — даже изъ растительной лѣсной пѣнзы. Такъ напримѣръ, поется о Святкахъ и такая многозначительная для своихъ исполнителей и слушателей пѣсня:

«Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,
Не груздочекъ скачетъ, а боярскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню»...

Не чуждаются сидящіе вокругъ блюда святочные пѣсенники и любезнаго русскому сердцу безобиднаго народнаго посмѣха. «Лѣнивая лѣнивица, слава!»—можно и теперь услышать записанную еще въ первой половинѣ минувшаго столѣтія пѣсню: «Лѣнилася она, слава! Часто по-воду ходитъ, слава! Она таяла снѣгъ, слава! На печномъ столбу, слава! Она вытаяла, слава! Золотъ перстень, слава! Золотъ перстень, слава! О трехъ ставочкахъ, слава!» Въ заключеніе, въ пѣснѣ задается столь обычный въ святочномъ пѣснословіи вопросъ: «Да кому тѣмъ перстнемъ обручаться?» Не замедляетъ народъ-пѣсно-

творецъ и съ надлежащимъ, не подверженнымъ никакому сомнѣнiю, отвѣтомъ: «Обручаться отроку съ отрочицею, слава! Еще молодцу со дѣвицею, слава!» Въ другой, тоже сваточной-подблюдной, пѣснѣ «золотъ перстень» не дѣвица-лѣнивица вытѣиваетъ изъ снѣга на печномъ столбу, а выкапываетъ «курочка-поскребушечка» изъ заваленки. Гораздо болѣе смѣлыми словами говорятъ такія, по всей вѣроятности—позднѣйшаго сравнительно, происхожденiя, пѣсни, какъ, напримѣръ: «Покачу я колечко кругомъ города, слава! А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду, слава!», или: «Пойду, млада, къ верюшкѣ; бракну, млада, во колечушко. Какъ колечко скажется, такъ и миленькiй откликнется!» Въ нихъ русская женщина стремится уже сама найти своего суженаго. Та-же самая мысль повторяется и въ слѣдующей, связанной съ гадашемъ, пѣснѣ:

«За столомъ сижу, слава!
Я на чашу гляжу, слава!
Золото кольцо ищу, слава!

Я еще посижу, слава!
Я еще повою, слава!
Я суженаго найду, слава!»

Отъ подблюдныхъ пѣсней степенныхъ собирающiеся на святыхъ вечерахъ переходятъ къ «игорнымъ», разсыпающимся болѣе частой дробью, переливающимся болѣе быстрой волною. Сопровождаются эти пѣсни играми, а съ этими послѣдними почти всегда неразлучна и пляска — исконная утѣха сердца народнаго. Вездѣ, гдѣ бы ни собрались на сваточную вечеринку-бесѣдку дѣвушки красныя съ добрыми молодцами—всюду первѣе-раньше всѣхъ другихъ игорныхъ заводится-запѣвается завѣтная пѣсня, которую слыхивали въ своихъ стѣнахъ еще терема первыхъ царей московскихъ, куда она проникла изъ народной Руси черезъ нянюшекъ-мамушекъ да сѣиныхъ красныхъ дѣвушекъ:

«Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушка въ високомъ, въ високомъ...»

Паль, паль перстень
Въ малину, въ малину,
Въ черную смородину...

Гадай, гадай, дѣвица,
Отгаывай, красная,
Черезъ поле идучи,

Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ персыпаючи...

Во время исполненія этой пѣсни, по рукамъ у сидящихъ въ горницѣ дѣвушкамъ передается колечко, которое и должна найти, угадать, у кого оно,—та, на чью долю придется ходить передъ поющими подружками. Угадаетъ—садится ей на мѣсто той, въ чьихъ рукахъ застанетъ ея отгадку «золото», а той—ходить вмѣсто нея. «Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!»—упрашиваетъ новая искательница золотого перстенька, дѣвица красная: «Вы, скажите, не утайте, мое золото отдайте; меня матихочетъ бити, по три утра, по четыре, по три прута золотые, четвертымъ жемчужнымъ!»—«Еще дѣвицы гадали, еще красныя гадали, да не отгадали!»—отвѣчаетъ ей молодой хоръ звонкихъ-заливныхъ голосовъ и подхватываетъ съ новой силою: «Паль, паль перстень въ калину, въ малину, въ черную смородину!»,—но только добавляя на этотъ разъ, что «очутился перстень да у боярина, да у молодого на правой ручкѣ, на маломъ мизинцѣ!..» Пѣсня повторяется до тѣхъ поръ, пока не надоскутитъ молодежи и не смѣнится другою, за которою недалеко ходить пѣсенникамъ съ пѣсенницами въ эти веселые святые вечера.

Пѣсня за пѣсней, игра за игрою; а подъ окошкомъ уже слышенъ скрипъ снѣга, раздаются веселые голоса, звенитъ смѣхъ, тренькаетъ балалайка. Идутъ ряженые—желанные гости «святыхъ вечеровъ»: не обходится безъ нихъ веселье святочное. Когда завелся на Руси этотъ, несомнѣнно занесенный изъ чужихъ земель, обычай—въ точности неизвѣстно. Но еще въ XV вѣкѣ справлялся онъ въ народѣ. Ряжене святочное до такой степени слилось съ повятемъ о присущихъ этимъ веселымъ днямъ обычаяхъ, что даже самое слово переряживаться зачастую замѣняется въ народѣ какъ-бы тождественнымъ съ нимъ по своему значенію словомъ «святѣшничать». Ряженые современной деревни—прямые наслѣдники древнерусскихъ скомороховъ, являвшихся въ однихъ глазахъ «глумотворцами бѣсовскими, блазнями погаными», а въ другихъ—слышшихъ за «людей вѣжливыхъ, очестливыхъ». Появляются на святочной вечеринкѣ «святѣшники», и оживленіе веселое развертывается во всю свою ширь, не сдерживаясь никакими условными границами, не оскорбляя въ то-же самое время никого изъ присутствующихъ своею первобытною грубостью. Непремѣнно долженъ быть въ числѣ ряженыхъ ражій мужикъ, одѣтый въ вывороченный мѣхомъ вверхъ черный бараній тулупъ, въ надвинутой на самые глаза шапкѣ: это—

медвѣдь, лѣсной воевода. Его ведетъ на веревкѣ поводырь—«медвѣжатникъ», заставляющій «Михайлу Иваныча Таптыгина» продѣлывать передъ зрителями все то, что когда-то входило въ обязанности настоящихъ медвѣдей, обученныхъ потѣшному искусству опытными жокаками, кормившимися «медвѣжьей наукою»—отъ щедротъ простодушныхъ зрителей. Изабрывается на всѣ свои, медвѣжки, лады парень-медвѣдь—показываетъ, какъ малые ребята горохъ воровали, какъ пьяные мужики по канavamъ валаются, какъ старья старухи ходятъ, какъ молодья молодухи съ парнями гуляютъ. На смѣну ему выступаетъ новая потѣха—«коза въ сарафанѣ», за нею—«скоморохи» въ-перемену со «слѣпенькими Лазарями», за ними—дѣвицы красныя, парнями переодѣтыя, парни—въ дѣвичьемъ нарядѣ. И всѣ-то, всѣ стараются, что называется, не ударить въ грязь лицомъ—переключать одинъ другаго. А незатѣйливая музыка деревенская гремитъ-звенитъ на всѣ лады, кто во что гораздъ. Выступаютъ изъ толпы ряженныхъ пласуны завзятые. Напляшутся раженные, угодятся всѣмъ, что есть на столѣ,—а на столѣ все, что было въ печи и запасено къ празднику,—и, распростившись съ хозяевами и гостями, направляются дальше—на другой веселый огонекъ, выдающій собою вечеринку-пирушку. Въмѣстѣ съ ряженными, обыкновенно, удаляется и большая часть гостей парней, присоединяющихся къ нимъ. Остающіеся въ хатѣ дѣвушки принимаются за гаданія, отдавая этимъ дань не только завѣщанной отошедшими поколѣніями старинѣ стародавней, но и своему собственному суевѣрію. Какъ и въ пѣсняхъ святочныхъ, все сводится въ этихъ гаданьяхъ къ тому-же «суженому-ряженому».

«Когда-жъ и погадать, какъ не о Святкахъ!»—говорятъ старья старушки, вспоминая, глядя на молодежь, свои весенніе годы свѣтлые. А краснымъ дѣвушкамъ, задумывающимся надъ своей судьбою,—это и на-руку. «Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная!»—звенитъ у нихъ въ ухахъ напѣвъ святочный, словно напоминающій имъ, что и гаданью—какъ и всему иному—свое время, свой часъ. Отъ пѣсенъ до гаданій—рукой подать. Множество гаданій дошло до нашихъ дней изъ старины стародавней, когда жизнь русскаго суевѣрнаго люда была ближе къ природѣ.

По расположенію звѣздъ пытаются дознаться деревенскія

гадальщицы о томъ; сбудутся-ли вообще ихъ святочныя гаданья. Выходятъ онѣ передъ гаданьемъ на дворъ, смотрятъ на-небо: если «Сажары» («Стожары») окажутся у нихъ съ правой руки — благопріятный признакъ, съ лѣвой — хоть и не загадывай совсѣмъ. То же самое и съ «Дѣвичими Зорями» (Міечнымъ Путемъ). Этотъ старинный обычай въ настоящее время соблюдается только въ захолустныхъ уголкахъ народной Руси. На деревенской святочной вечеринкѣ гаданье начинается, обыкновенно, прежде всего тѣмъ, что бѣгутъ въ куриный хлѣвъ, снимаютъ съ насѣста пѣтуха и пускаютъ его въ избу, гдѣ разложены на полу всѣ принадлежности гаданія — хлѣбъ, соль, деньги, поставлены чашка съ водой, зркальце, и т. д. Смотря по тому, за что примется еле опомнившійся отъ испуга пѣтухъ, и угадывается судьба гадающей, т. е. таковъ будетъ суженый, если ей суждено въ предстоящемъ году стоять подъ вѣнцомъ: станетъ пить воду — мужъ будетъ пьяница горькій, примется за хлѣбъ — бѣднякъ, деньги клевать начнетъ — богачъ, въ зеркало глянетъ — щеголь. Вынесутъ пѣтуха въ хлѣвъ, принесутъ охапку дровъ, начнутъ полѣнья считать: четное число — къ благополучію, нечетъ — сидѣть принесшей еще годъ въ дѣвкахъ. Поставятъ гадальщицы на столъ хлѣбную чашку со свѣгомъ, примутся воскъ топить надъ нею: что кому вытопится, по тому и судьба станется: кому церковь выидеть — къ скорой свадьбѣ, кому гробъ — къ смерти и т. д. Гдѣ есть свинецъ, тамъ топятъ его вмѣсто воска — съ тѣмъ же самымъ значеніемъ. Нагадавшись вдосталь въ хатѣ, переносятъ гадальщицы мѣсто дѣйствія на улицу. Здѣсь онѣ обращаются ко встрѣчнымъ-поперечнымъ съ вопросомъ объ имени — въ томъ расчетѣ, что какъ зовутъ отвѣтвшаго, такъ будетъ зваться и суженый. Больше всего производится эта «окличка» подъ Новый Годъ. Останавливаясь подъ окнами чужихъ домовъ, дѣвушки прислушиваются къ разговорамъ и стараются — судя по тому, о чемъ и какъ говорить — узнать нравъ-обычай будущаго мужа. Отъ оконъ гадальщицы бѣгутъ на средину улицы — къ амбарамъ: если здѣсь заслышатъ онѣ шуршанье мышей въ житѣ, то мужъ будетъ съ достаткомъ; тишина же, наоборотъ, служить предвѣщаніемъ бѣдной жизни въ замужествѣ. Болѣе смѣлыя дѣвицы красныя около полуночи идутъ къ церковной паперти, гдѣ, приложивъ ухо къ замочной сва-

жизнь, вслушиваются въ то, что творится въ церкви. Бывалые люди увѣряютъ, что инны слышать пѣніе «Исаіе, ликуй!» (къ свадьбѣ), другія же — «Со святыми упокой!» (къ смерти), Немного, однако, находится такихъ безстрашныхъ гадалщицъ; большинство-же предпочитаютъ обойтись безъ хожденія къ церкви, — тѣмъ болѣе, что ходятъ въ народѣ и такія рѣчи, что-де стережетъ пути-дороги туда въ эти таинственные ночи нечистая сила. Гораздо безопаснѣе выходить на улицу и прислушиваться—не залаетъ-ли гдѣ собака. «Залай, залай, собаченька, залай, сѣренькой волчокъ!»—приговариваютъ дѣвицы красныя. Гдѣ раздастся собачій лай, тамъ, по ихъ мнѣнію, и живетъ «миленькій дружокъ» гадалщицы. Если собака залаетъ близко, это означаетъ, что суженаго не за горами искать; если-же лай прозвучитъ издалека, это значить, что суженый-ряженный—на чужедальной сторонѣ, придется дѣвушкѣ выдти замужъ за чужанина. Выходятъ дѣвушки-гадалщицы на дворъ, бросаютъ съ правой ноги башмаки черезъ ворота на улицу: въ которую сторону упадетъ башмакъ, въ той сторонѣ и живетъ суженый-ряженный. Если башмакъ ляжетъ носкомъ къ воротамъ, то значить, что сидѣтъ еще годъ въ дѣвкахъ. Ходятъ гадалщицы во время ужина смотрѣтъ въ окна къ сосѣдямъ: увидятъ всѣхъ сидящихъ съ головами — значить, всѣ родные будутъ живы; если-же въ глазахъ будетъ «бланинъ» такъ, что всѣ сидящіе покажутся безъ головъ, это означаетъ, что роднѣ суждено вымереть въ самомъ непродолжительномъ времени. Наступаетъ полночь, и одни гаданья дѣвичьи смѣняются другими. «Суженый-ряженный, проѣзжай мимо окна!»—приговариваютъ дѣвушки красныя, садясь подь окномъ. Суевѣрные люди говорятъ, что вскорѣ послѣ этого суженый, и впрямь, проѣзжаетъ. Если слышитъ сидящая гадалщица шумливый поѣздъ со свистомъ да съ гикомъ, это предвѣщаетъ, что ее ждетъ веселая-счастливая жизнь въ замужествѣ; если-же поѣздъ проѣдетъ тихо, то и жить ей въ тишости да въ бѣдности. Выискиваются между гадалщицами и такія смѣлыя дѣвушки, которыя остаются наединѣ со своей мечтою о суженомъ, накрываютъ столъ, становятъ на него два прибора и произносятъ, обращаясь въ пространство: «Суженый-ряженный! Приди ко мнѣ ужинать!» Сидитъ, ждетъ молодая гадалщица, поджидаетъ за столомъ гостя нездѣшняго, несущаго ей вѣсть о судьбѣ... Случается, что гадаютъ о суже-

номъ и надъ прорубью: смотрятъ въ воду при лунномъ свѣтѣ! Ходятъ рѣчи, что это гаданье—одно изъ самыхъ опасныхъ, — бываютъ - де и такія незадачи, что очутится гадальщица, подъ несчастливую руку, въ проруби. Съ незапамятныхъ поръ — и въ бѣдныхъ хатахъ, и въ богатыхъ хоромахъ — спра- вляется о Святкахъ гаданье въ зеркалѣ. Ложась спать, кла- дутъ дѣвушки подъ подушки мостикъ изъ прутиковъ. «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ!»—произносятъ онѣ при этомъ. Сонъ является отгадчи- комъ этого гаданья. «Суженый - ряженный, причеши мнѣ го- лову!» — приговариваютъ другія красавицы, въ ожиданіи по- явленія желаннаго добра-молодца во снѣ. «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ пить мнѣ подастъ!»—говорятъ третьи, напиваясь на сонъ грядущій воды съ солью...

Благочестиво-богомольный, при всемъ своемъ суевѣріи, де- ревенскій православный людъ—въ лицѣ старѣйшихъ, наиболѣе богобоязненныхъ-степенныхъ своихъ представителей—ви- дить въ Святкахъ, дѣйствительно, святые дни-вечера, посвя- щенные воспоминанію о великомъ праздникѣ Рождества Хри- стова, явившемся залогомъ спасенія утопавшаго во грѣхахъ человѣчества. Цѣлый рядъ своеобразныхъ сказаній, вытекаю- щихъ изъ этого воспоминанія, ходитъ среди нихъ, передаваясь изъ устъ въ уста.

Русскія простонародныя примѣты, связанныя со Святками, ограничиваются очень немногимъ. Такъ, не совѣтуютъ старые люди гнуть обручей и полозьевъ, увѣряя, что въ противномъ случаѣ приплода скота не будетъ. Сумрачная погода о Свят- кахъ сулитъ бабамъ «большіе удѣи» молока у коровъ; свѣт- лые святочные дни обѣщаютъ сельскохозяйственному опыту «носскихъ куръ». Не къ добру—по отношенію къ будущему потомству—въ эту пору плести лапти («уродится кривой»), не къ добру и шить что бы то ни было («уродится слѣпой»).... Вѣковѣчная дума пахари о хлѣбѣ насущномъ не могла не сказаться и въ его святочномъ—веселомъ да затѣйливомъ— словѣ. Такъ, на примѣръ, нѣтъ-нѣтъ да и прорываются у него въ пѣсняхъ-колядкахъ, какъ будто даже и не имѣющихъ ничего общаго съ его подсказанными страднымъ трудомъ тревогами, такія пожеланія, какъ: «А дай Богъ тому, кто въ этомъ дому, ему рожь густа, рожь ужиниста: ему съ колосу осьмина, изъ

зерна ему коврига, изъ полузерна пирога. Надѣлил бы васъ Господь и житьемъ, и бытьемъ, и богатствомъ!», или:

«Ужь дай тебѣ Богъ,
Зароди тебѣ Господь,

Чтобы рожь родилась,
На гумно свалилась!»...

Въ этихъ пожеланіяхъ, отступающихъ отъ прямого содержания пѣсень, возстаетъ передъ слушателями народъ-пахарь. И въ веселые-разгульные «святые вечера» мысль его возвращается къ благословляемому Богомъ источнику жизни, и онъ—самъ того не замѣчая:

«Хлѣбу пѣснь поеть,
Хлѣбу честь воздаеть».

Всегда и во всемъ остается онъ вѣрнымъ сыномъ Матери-Сырой-Земли, любовью которой живъ на бѣломъ свѣтѣ, а вмѣстѣ съ нимъ живы силы души его.

Аполлонъ Коринфскій.

